

всегда повис в воздухе. Строки из стихотворения «Железная дорога» — о страданиях нашего народа — также вечны, их впору выбить в бронзе:

*Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору
прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.*

Бывало, что пытались уличить его в обмане: мол, не верит он в то, за что борется. Причем говорили это люди известные, уважаемые — Лев Толстой, Аполлон Григорьев, Василий Боткин и другие. «Двойной человек» — сердито косился на него литературовед Александр Пыпин. А историк Тимофей Грановский находил Некрасова «неприятным», «отталкивающим», хотя и не отказывал в даровании.

Упреки же в лицемерии объяснялись примерно так. Барин-де пишет о страданиях народа, страшной убогости его быта, а сам живет не то что сытно — роскошно: пиры закатывает, царские охоты с поварями, егерями, лакеями устраивает, да еще и в обществе князей и министров. Мало того — ошеломительные деньжищи в карты выигрывает.

В картежном деле он действительно слыл умельцем непревзойденным. В отличие от прадеда и деда, проигрывавших крепостных тысячами, Николай Алексеевич картами зарабатывал. Играл в Английском клубе, где собирались люди преимущественно состоятельные. Для тех карточки были удовольствием, а посему они легко, улыбаясь, не выпуская из рук бокалов с вином, прощались с большими суммами. К тому же играли зачастую спустя рукава. Не то — Некрасов: он сосредотачивался, заряжался на борьбу. Перед картами отдыхал, принимал ванну. Да и класс его как игрока был весьма высок. Случалось, уступал, но счет побед выглядел гораздо внушительнее. По слухам, лишь у одного министра финансов Александра

Абазы поэт выиграл в общей сложности более миллиона франков. Изрядно опустошил и кошелек Александра Адлерберга, приближенного самого императора, генерал-адъютанта.

Шальные деньги позволили сколотить изрядный капитал. Справедливости ради заметим, что немалую часть средств он пустил на издание «Современника».

Богатство зрелого Некрасова стало своего рода компенсацией фортуны за бедность и унижения, сопутствовавшие его юности. Некогда он поступил наперекор желаниям отца, зажиточного помещика, требовавшего, чтобы сын пошел по военной части. Тот же хотел посвятить себя сочинительству. Поэтому они основательно разругались.

Оставшись без финансовой поддержки, будущий литератор влачил жалкое существование: обитал в петербургских трущобах, ходил чуть ли не в лохмотьях, порой у него не было даже мелкой монеты на кусок хлеба.

Тем не менее нашел себя, выбился в люди благодаря неустанному труду. Давал уроки, публиковал статьи, сочинял сказки в стихах, водевили для Александринского театра. Сумел поднакопить денег и издать собственный сборник под названием «Мечты и звуки». Охотников до такого чтива оказалось мало, и раздосадованный автор скупил оставшиеся экземпляры, а затем уничтожил.

Неудача не обескуражила дебютанта. Он продолжал неустанно трудиться, его имя начали упоминать в литературных кругах. Совсем молодым — в ту пору ему было едва за двадцать — Некрасов стал сотрудником «Отечественных записок». Продолжил издаваться — выпустил несколько альманахов, а также роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». После вместе с писателем Иваном Панаевым взял в аренду у поэта Петра Плетнева «Современник».

Последний превратился в рассадник инакомыслия, чуть ли не революционную трибуну. В то же время на его страницах заблистали Щедрин, Герцен, Огарев, Тургенев, Островский, Гончаров, Григорович. И, разумеется, сам Некрасов.

Талант его рос, известность вышла далеко за пределы Петербурга. Говорили не только о несомненном даровании, но и о поступках, с точки зрения «прогрессивной общественности», неблагоприятных. Один из таковых нашумел особо: в апреле 1866-го на обеде в Английском клубе Некрасов выступил с хвалебной одой генералу Михаилу Муравьеву-Виленскому. Тому самому, который за жестокость при подавлении Польского восстания получил от революционных демократов прозвище «Муравьев-вешатель».

Слух о происшедшем мигом разнесся по городу. Что тут началось! Недоброжелатели всласть покуражились — едко высмеивали, «посвящали» издевательские эпиграммы. Досталось и от поклонников: те срывали со стен его портреты, писали на них слово «подлец» и посылали поэту по почте.

Что двигало тем «проступком» Николая Алексеевича? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить еще одно событие. За пару недель до злополучного обеда было совершено покушение на Александра II. Царь уцелел благодаря бдительности крестьянина Осипа Комиссарова, толкнувшего Дмитрия Каракозова, когда тот намеревался сделать губительный выстрел.

Председателем Верховной комиссии по делу о покушении назначили Муравьева-Виленского. Эта весть привела в панику столичную интеллигенцию, ибо многие ее представители опасались, что генерал снова проявит свой чрезвычайно крутой нрав. Перепугался и Некрасов, который поспешил подписать царю адрес, выразил «глубокую скорбь о неслыханном